

УДК 821.133.1
ББК 84(4)
Р62

Переводчик ЕКАТЕРИНА ИВАНКЕВИЧ

Роже Д.

Р62 Почетные арийки: [роман] / Дамьен Роже ; Пер. с фр. — М. : Альпина Паблишер, 2024. — 336 с.

ISBN 978-5-9614-8634-6

«Вихрь ненависти пронесся по городу, превращая каждого соседа в возможного врага».

Таким видят Париж, занятый гитлеровскими войсками, Люси, Мария-Луиза и Сюзанна Штерн. Кузины родились в богатой еврейской семье и выросли в буржуазной атмосфере Парижа начала XX века. Выйдя замуж за аристократов и перейдя в католичество, все они стали частью французского высшего общества и постарались забыть о своем происхождении. Но с приходом нацистов в июне 1940 года их тщательно выстроенный мир рухнул. Отныне маркиза, баронесса и графиня перестают считаться не только француженками, но даже просто людьми: в их паспортах краснеет штамп «еврейка», вчерашние друзья при встрече торопливо отводят взгляд, их жизни угрожает реальная опасность. Что делать с идентичностью, которую они не выбирали? Доверять ли суждениям близкого друга семьи, маршала Петена? Есть ли надежда получить статус «почетных ариек», освобождающий от дискриминации и ареста? Семейная сага Дамьена Роже, основанная на реальных событиях, предлагает нам взглянуть на оккупированную Францию глазами женщин, которые внезапно оказались чужими для всех.

УДК 821.133.1
ББК 84(4)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-9614-8634-6 (рус.)
ISBN 978-2-7089-0259-6 (фр.)

© Éditions Privat, 2023
© Издание на русском языке, перевод,
оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2024

Различие жизненных обстоятельств
есть не что иное, как испытание, ниспосланное
нам богами: Я ни слова не скажу вам больше.

Пьер Мариво. Остров невольников (1725)

Книга, которую вы держите в руках, — роман, однако факты, приведенные в ней, вполне реальны. Опираясь на разрозненную информацию, почерпнутую из государственных архивов, биографий и исторических трудов, я попытался собрать воедино фрагменты огромной мозаики, мотивы которой иногда менялись под воздействием времени или вытеснялись из болезненных воспоминаний очевидцев. В мои задачи не входило дать оценку жизненному пути трех женщин, чьи портреты здесь представлены. Скорее я стремился реконструировать эпоху и понять ее особенности, чтобы пролить свет на некоторые малоизвестные обстоятельства и найти объяснения поступкам, которые казались парадоксальными.

Почему меня так увлекли эти уникальные судьбы? Волею случая исторические события вмешались в жизнь этих женщин, навсегда изменив ее привычное течение. Столь резкие повороты в их биографии не только отражают сложность конкретной эпохи, но и высвечивают дилеммы, с которыми может столкнуться каждый, когда множественные и зачастую противоречивые части нашего «я» вступают в конфликт, терзающий нас изнутри. Восстанавливая историю героинь этой книги, я попытался исследовать субъективную, социальную и политическую идентичность женщин, оказавшихся в центре исторических драм.

Часть I

Секрет
на улице
Константин

Свое раннее детство я помню смутно — оно похоже на одно бесконечное серое воскресенье, так что иногда у меня возникает вопрос, в каком возрасте я на самом деле пробудился к жизни. Меня зовут Люсьен Баранже. В моем паспорте указано, что я родился в маленьком городке недалеко от Парижа шестьдесят семь лет назад. Мой отец, в высшей степени скромный и преданный семье человек, работал в маленькой скобяной лавке, откуда возвращался по вечерам с тяжелой головой, измученный бесконечным шумом и разговорами. Мать была талантливой портнихой. По неведомой мне причине ей пришлось довольно рано отказаться от мечты открыть свое дело, и она довольствовалась тем, что выполняла заказы для крупной парижской компании. Моя юность прошла без драм и несчастий, и, кажется, я никогда ни в чем не нуждался. Однако сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что, наверное, всегда был плохо приспособленным к жизни, не таким, как все. Прежде всего это связано с тем, что я был единственным ребенком в семье — большая редкость для послевоенной Франции. Может быть, именно из-за отсутствия братьев и сестер желание играть с другими детьми всегда казалось мне чем-то странным, если не сказать удивительным. В моем школьном дневнике, который я недавно нашел среди старых вещей, есть запись: «Сторонится других детей, на переменах предпочитает оставаться один».

В первых числах июля, когда мои одноклассники уезжали из столичного региона в горы, на природу или на море, я, напротив, отправлялся в Париж. Не задаваясь по этому поводу никакими вопросами — впрочем, моего мнения никто и не спрашивал, — я проводил летние каникулы у тети. Она работала консьержкой в седьмом округе Парижа и жила вместе с мужем в крохотной каморке на улице Константин. Я говорю «каморка», потому что так ее называли мои родители. Для меня же это было прежде всего особое пространственно-временное измерение, где сильно пахло бульоном и которое возникало в момент моего приезда и исчезало с приходом сентября, словно по волшебству. Симона, старшая сестра моей матери, и Марсель, ее муж, не могли иметь детей. Но было очевидно, что они очень их любили. В отличие от моего отца Марсель не работал. Ему раздробило ногу снарядом в июне 1940 года, когда его полк убегал от наступающих немецких войск. Несмотря на отвращение, которое внушало мне слово «культя», мне очень нравилось проводить с ним время. Он был не так серьезен, как мои родители и тетя, и научил меня тому, что жизнь может быть легкой, даже беззаботной. Часто, пока тетя занималась делами, мы с ним прогуливались по эспланаде Инвалидов в сторону Сены, а затем садились на берегу и наблюдали за проплывающими мимо баржами с зерном или цементом. Марсель рассказывал мне о своей молодости, проведенной в угольных шахтах Па-де-Кале. Он вовсе не жаловался на трудности

и лишения, выпавшие на его долю, — казалось, он любил жизнь, как другие любят сладости. По возвращении на улицу Константин нас обычно ждал строгий выговор от тети. Она, похоже, обладала богатым воображением и думала, что между нашим домом и набережной Сены с нами могло что-то случиться. Но таков был семейный ритуал, и я принял его, как и все остальные их семейные привычки.

Жильцы высоко ценили самоотдачу и ответственность тети Симоны. Для каждого из них она смогла стать незаменимой, выступая одновременно в качестве домоправительницы, компаньонки, материнской фигуры и доверенного лица. Она черпала энергию в чувстве гордости оттого, что распоряжалась ключами от этого старинного дома, расположенного в красивейшем районе города. Каждый день, даже будучи усталой или нездоровой, она с невероятной тщательностью наводила порядок в каждом уголке здания. Я помню запах чистоты, мгновенно наполнявший ноздри, когда распахивались двойные двери, впуская нас внутрь. На огромных сверкающих зеркалах, висящих по обе стороны холла, не было ни единого отпечатка пальцев. В приглушенном свете медные ручки, казалось, сияли тысячей огней, бесконечно отражаясь в игре зеркал. Этот интерьер был достоин королевского дворца, и любой посетитель, ступивший на толстый ковер, который вел к парадной лестнице и небольшому металлическому лифту, понимал: он оказался в исключительном месте, где, вне всякого

сомнения, живут уважаемые люди. С высоты своих семи лет я полагал, что часть этого величия распространяется и на мою тетю. Судя по тому, как решительно она давала отпор торговым агентам и прочим навязчивым посетителям, у нее, очевидно, сложилось такое же мнение.

Когда Марсель был занят каким-то делом, при котором тетя считала мое присутствие неуместным, я подолгу сидел в ее офисе, делая вид, что поглощен чтением книги или журнала. На самом же деле все мое внимание было приковано к тому, что происходило вокруг. Ходить по местам общего пользования в одиночку мне строго-настрого запрещалось, так что по дому я бродил лишь мысленно — поднимался по лестнице, блуждал по коридорам, исследовал чердаки. Иногда мимо моего наблюдательного пункта проходили дети в сопровождении гувернантки или родителей. Я всегда расспрашивал о них тетю — мне хотелось знать, кто они, во что любят играть, какие книги читают. Но мое любопытство не получало должного вознаграждения, поскольку в большинстве случаев тетя представляла их просто как «сына графа такого-то» или «младшую дочь меcье и мадам таких-то». Для нее эти родственные связи были ответом на все вопросы. Они говорили одновременно о статусе человека, привлечшего мое внимание, и о непреодолимом расстоянии, которое отделяло нас от таких людей. Что толку было знать, любят ли они играть в вышибалы? По почти-тельному отношению к ним тетушки я понимал, что

мы принадлежим к разным мирам, которые вряд ли когда-то пересекутся.

Проводя каждое лето у дяди и тети, я со временем стал прекрасно ориентироваться в этом здании. На третьем этаже жила американская семейная пара — муж был корреспондентом газеты с непроизносимым названием. Каждое утро им приходило невероятное количество журналов и писем, которые тетя с удрученным видом складывала в стопку. На верхнем этаже в маленькой комнатке жил молодой художник, который пытался «сделать себе имя», что Симона и Марсель считали абсолютно безнадежным делом, учитывая время, проводимое им в винных погребах Сен-Жермен-де-Пре. Под самой крышей располагались комнаты, в которых жили горничные — в основном испанки. Но меня больше всего интересовал обитатель лучших апартаментов, расположенных на втором этаже. Их занимала пожилая дама, вдова, к которой Симона и Марсель относились с безграничным, практически благоговейным почтением. Она носила титул маркизы, но мне казалась скорее королевой или воплощением какого-то библейского персонажа. Так и вижу, как она идет по коридору своей медленной, величественной походкой, опираясь на трость с набалдашником из слоновой кости. Подойдя к офису консьержки, она останавливалась, чтобы дать указания на день, а я, пользуясь случаем, наблюдал за ней через приоткрытую дверь. Ее похожая на пергамент кожа была настолько морщинистой, что она

выглядела человеком из другого времени, другой эпохи. Особенно меня завораживали ее живые маленькие глаза, в которых, казалось, были сосредоточены все ее силы. Их выразительность будто опровергала ее возраст и внушала уважение любому, кто вздумал бы не воспринять ее всерьез.

Однажды мне представилась возможность познакомиться с ней поближе. Домработница маркизы была вынуждена спешно покинуть Париж, чтобы ухаживать за больным родственником. В ее отсутствие тетя Симона следила за тем, чтобы старейшая обитательница дома ни в чем не нуждалась. Будучи слишком занятой, чтобы делать все самостоятельно, и убедившись, что я помню все приличествующие случаю вежливые фразы, она поручила мне отнести в квартиру маркизы корзинку с выглаженным бельем. Она весила не так уж много по сравнению с тем грузом ответственности, который лег на мои плечи. Чувствуя себя мальчиком из церковного хора, которому доверили дароносицу, я ступенька за ступенькой поднимался по лестнице на второй этаж, открывая для себя новый мир, доселе скрытый от моих глаз, и это приводило меня в восторг. Остановившись перед внушительной входной дверью, я нажал на кнопку дверного звонка. Тишину, царившую на лестничной площадке, внезапно разорвал пронзительный звук. Меня охватил ужас. Единственным моим желанием в тот момент было убежать вниз и забиться в свою тесную нору.

Но по ту сторону двери уже были слышны медленно приближающиеся шаги. Дверь отворилась, и на пороге появилась старая дама с пронизывающим взглядом. Она была с непокрытой головой, и я впервые заметил высокий, закрепленный шпильками шиньон, который обычно скрывала ее шляпка. Когда я вежливо поздоровался с ней, она взглянула на то, что я принес, и велела следовать за ней. Пройдя через просторный холл, мы вошли в небольшой салон, где я оставил свою корзину. Так, значит, такая красота существует в действительности, и братья Гримм ничего не выдумали. Квартира — хотя, на мой взгляд, она скорее походила на дворец — во всем носила отпечаток грандиозности и монументальности. Прежде всего меня поразила высота потолков. Как может здание, пусть даже немаленькое, вмещать такие пространства, достойные часовни? Я ничего не смыслил в антикварной мебели, картинах и редких предметах, среди которых оказался, но все здесь выглядело грандиозным, элегантным и изысканным. Это место, несомненно, было обиталищем феи — или, возможно, ведьмы. Я, разинув рот, таращился на люстры, из которых струились фонтаны света, а маркиза попросила меня подождать минутку и, медленно пройдя через комнату, скрылась за небольшой дверью. Не знаю, как долго ее не было. Я обвел комнату потрясенным взглядом, не желая упустить ничего из того завораживающего зрелища, что предстало передо мной. На уровне моего лица, на консоли из розового мрамора, лежали

маленькие сверкающие безделушки, которые показались мне кусочками утраченного сокровища. Рядом с ними стояли старые фотографии в рамках самых разных размеров, защищавших их от разрушительного воздействия времени. Они будто общались друг с другом в незыблемом мире минувшего. Несомненно, на них были запечатлены герои прошлого, защищавшие Францию, о чьих подвигах я читал в учебнике истории. Мое внимание привлекла маленькая фотография, закрепленная в углу рамки. Не успел я взять ее в руки, чтобы получше рассмотреть, как услышал приближающиеся шаги пожилой дамы. Перепугавшись, что меня застанут роющим в чужих вещах, я машинально сунул фотографию в карман. К моему стыду, это мелкое воровство было вознаграждено плиткой шоколада. Покраснев, я поблагодарил маркизу и вышел из квартиры, стараясь не смотреть в сторону консоли, где на месте украденной фотографии зияло пустое место.

В последующие несколько дней я вел себя настолько тихо, что все решили, будто я заболел. Осознание масштабов моего преступления не давало мне покоя. Я не только предал доверие маркизы, но и провалил миссию, возложенную на меня тетей, поэтому определенно заслуживал того, чтобы сгореть в аду. Мне казалось, что молчание — лучший способ искупить вину, и я молился Небесам, чтобы забвение поскорее стерло совершенное мною злодеяние. В конце лета, вернувшись в родительский дом, я решил спрятать эту фотографию

в металлический ящик, в котором хранилась моя самая большая ценность — оловянные солдатики. Такое отсутствие воображения вскоре было наказано. В один прекрасный день моя мама, недовольная тем, что я развел беспорядок, нашла фотографию и спросила меня, откуда она взялась. Я стал объяснять, что ее дал мне друг, который случайно нашел ее на улице. Поверила ли мне мать? По крайней мере, она не стала продолжать допрос.

Прошло уже порядка шестидесяти лет с того момента, который я в детстве называл «кражей на улице Константин». Однако при мысли об этой фотографии меня охватывают все те же эмоции, что и тогда. Я помню ее до мельчайших деталей. Сколько раз я проводил пальцами по ее зубчатому краю? Закрыв глаза, я отчетливо вижу двух женщин, изображенных в полный рост: шляпки с кантом, лавальеры*, белые перчатки. Позже я понял, что они одеты в охотничьи костюмы. Обе стоят с высоко поднятой головой и гордо смотрят вперед. На их лицах играют едва различимые улыбки. На заднем плане виднеется здание с башней — вероятно, охотничий домик или какой-нибудь загородный замок. Помню я и надпись на обороте, сделанную мелким, убористым почерком. Фиолетовые чернила складывались в слова:

* Лавальер — галстук с короткими и широкими концами, задрاپированными в небольшой аккуратный узел.

Октябрь 1933

*Дорогой Марии-Луизе,
В память о чудесном дне.*

Анни

Долгое время я гадал, кем же были эти две женщины. Возможно, одна из них — старая маркиза, но я не был в этом уверен. Анни и Мария-Луиза... Две подруги или, возможно, члены одной семьи, которых, как я всегда себе представлял, разлучила какая-то случившаяся в их жизни трагедия.

В восемнадцать лет, окончив школу, я поступил на исторический факультет Сорбонны. Я жил в Латинском квартале, где снимал небольшую комнату, выходящую на шумный двор. Май 1968-го с его политическим кризисом и массовыми беспорядками остался позади, и среди молодежи царил дух свободы и беззаботности. Мои дядя и тетя уже не жили на улице Константин. Марсель умер от рака несколькими годами раньше, а тетя Симона уехала в Мелен, где нашла работу в небольшом доме рядом с вокзалом. Вскоре ее тоже настигла болезнь. Тетя скончалась, не дожив до шестидесяти лет, так и не увидев север Франции, о котором так много говорил Марсель. Стоит ли сожалеть о том, что они не смогли туда съездить? Иногда мечты бывают прекраснее самых красивых пейзажей. Во время учебы в Париже я лишь изредка бывал в районе, где когда-то

проводил летние каникулы. Однажды друг пригласил меня на воскресный обед к своим родителям, которые жили на бульваре Тур-Мобур, в десяти минутах ходьбы от улицы Константин. Проходя мимо моста Александра III, я увидел вдалеке элегантный каменный фасад песочного цвета, согретый мягким осенним солнцем. Меня охватило странное чувство. Я разрывался между впечатлением, что это прошлое, преображенное памятью, возникло прямо из моего воображения, и уверенностью, что рано или поздно мне придется разобраться в своих воспоминаниях. Жизнь со всеми ее обстоятельствами — уважительными и не очень — долгое время не позволяла мне этим заняться, и в конечном счете я смирился с мыслью, что эти парижские эпизоды в монотонной истории моего детства не имели большого значения, как и украденная мной фотография.

В конце концов я обосновался на Западном побережье США, однако десять лет назад мне пришлось на некоторое время вернуться во Францию, чтобы организовать похороны матери. Возвращение в квартиру моего детства, в которой она жила одна после папиной смерти, стало для меня серьезным испытанием. Долгие годы там ничего не менялось. Я начал с того, что выгреб из шкафов все содержимое и стал его разбирать. На первый взгляд, там не хранилось ничего ценного. Это была квартира самой обычной женщины: пыльные безделушки из тех, что часто встречаются на гаражных распродажах, вязанные салфетки, кружевные занавески.

Шкафы были забиты постельным бельем, на котором мама заботливо вышила наши инициалы. Им можно было бы застелить дюжину кроватей — интересно, откуда у нее такая любовь к простыням и наволочкам? На вешалках в ряд висел десяток узорчатых платьев, безупречных, но старомодных — прямиком из семидесятых, — которые напоминали о ее таланте портнихи. Рядом с этими выходными нарядами, идеальное состояние которых красноречиво свидетельствовало о том, насколько «активную» социальную жизнь вела мама, висели практичные платья-фартуки без рукавов, которые она предпочитала носить в повседневной жизни.

В глубине того же шкафа в спальне я обнаружил старый чемодан, в котором лежали аккуратно сложенные бумаги и личные документы. Родители никогда не рассказывали о своей молодости. Я не знал своих дедушку и бабушку по отцовской линии, которые остались в Польше, в то время как мой отец переехал во Францию в конце 1930-х годов. Во время войны отцу удалось спрятаться. Не знаю, как он смог избежать многочисленных ловушек, подстерегавших евреев. Моя мать и ее сестра Симона родились в рабочем квартале Менильмонтан. Бабушка и дедушка по материнской линии были еврейскими эмигрантами из Одессы и умерли, когда мама и тетя Симона были еще детьми. Родных, которые взяли бы их к себе, не нашлось, поэтому девочек поместили в приют Фонда Ротшильда на улице Ламбларди в двенадцатом округе Парижа. Когда началась война,

они жили в одной комнате в общежитии для молодых работников. Все это я выяснил много лет спустя, сопоставив скудные сведения, полученные от мамы и тети. Я так и не решился расспросить их напрямую. По словам тети Симоны, мои родители познакомились через несколько дней после Освобождения. Тысячи парижан вышли на улицы, чтобы отпраздновать победу. Прогуливаясь с сестрой и подругой, мама встретила взглядом с моим отцом. Они сразу понравились друг другу.

Продолжая разбирать вещи — обломки разбитой жизни и затонувшего прошлого, — я обнаружил в одной из шляпных картонок маленький металлический ящичек, в котором хранились сокровища моего детства. Вместо моих оловянных солдатиков там лежали разноцветные стеклянные шарики. Но фотография, украденная у старой дамы с улицы Константин, никуда не делась. Значит, мой секрет пережил тетю с дядей, а затем и мать. Сев на кровать с фотографией в руках, я с любопытством рассматривал черно-белое изображение. Когда я перечитал короткую надпись на обратной стороне фотографии, в памяти всплыла тайна, окружавшая это старое воспоминание. Сам не знаю почему, я был глубоко убежден, что этот документ, молчавший столько лет, может кое о чем рассказать.

Весна в Париже была теплой. Я остановился в небольшой гостинице рядом с площадью Данфер-Рошро — в безликом, лишенном всякого очарования отеле, похожем на сотни других. Сунув фотографию во внутренний

карман пальто, я направился к местам своего детства. С трудом найдя выход из метро «Инвалиды», я наконец поднялся по лестнице и увидел распускающиеся ветви деревьев. Эспланада была пустынна. Я сразу же различил крыши Бурбонского дворца и поспешил дальше, навстречу своему прошлому. Мне казалось, что ничего особо не изменилось, и в то же время не верилось, что именно сюда я приезжал каждое лето, пока не окончил начальную школу. Перейдя улицу, я с волнением увидел окно квартиры, в которой жили Симона и Марсель. Не задумываясь я прижался лбом к стеклу и заглянул внутрь. Мое смятение было настолько сильным, что я ожидал в любой момент увидеть полную фигуру тети или хромого дядю. Но квартира, куда я приезжал на каникулы, уступила место современно обставленному кабинету, в котором ничего больше не напоминало о моем детстве. Отступив на несколько шагов, я окинул дом взглядом.

Здание, построенное в великолепном классическом стиле, было таким же величественным, как и прежде. На фасаде теперь развевался красный флаг со стилизованным кленовым листом, а табличка гласила, что здесь располагается Канадский культурный центр. Я уже собирался уходить, когда ко мне подошла пожилая женщина, которая, судя по всему, наблюдала за моей пантомимой. Укоризненным тоном она спросила, что я здесь ищу. Я объяснил, что в детстве часто приезжал сюда к своей тете, которая работала в этом здании консьержкой.

С гордостью человека, повидавшего жизнь, она сообщила, что живет в этом районе с 1962 года. Но когда я спросил, не знала ли она моих дядю и тетю, месье и мадам Лубе, старая дама ответила, что не может помнить имена всех консьержей, живших на этой улице.

В отчаянии я добавил, что здесь жила маркиза, величественная и импозантная женщина.

Она прищурилась, будто заглядывая в закоулки своей памяти. Затем ее лицо прояснилось. Она снова взглянула на меня и, на мгновение замешкавшись, сказала: «Вы, должно быть, говорите о маркизе де Шасслу-Лоба, которая долгое время жила в этом доме». Имя показалось мне до странности знакомым. По волнению, угадывавшемуся в глазах собеседницы, я понял, что главного она еще не произнесла. Понизив голос, она подняла бровь и с таинственным — почти заговорщическим — видом добавила: «Она была... почетной арийкой, ну, вы понимаете...»

Почетная арийка... Я хорошо расслышал эти слова, но их смысл от меня ускользал. Рассерженная тем, что не удалось произвести впечатление на недостойную ее аудиторию, эта милая женщина удалилась, не преминув бросить в мою сторону последнюю реплику: «Разумеется, она уже умерла».

Возвращаясь обратно в отель, я машинально повторял про себя слова «почетная арийка». Что могло означать это странное словосочетание, совершенно не вяжущееся с титулом маркизы? Беглый поиск

информации подтвердил мои догадки. Это выражение относилось к лицам еврейского происхождения, на которых во время Второй мировой войны не распространялись расовые правила нацистов, в частности обязанность носить желтую звезду. Я об этом почти ничего не знал, но был полон решимости выяснить, каким образом маркиза получила такой статус, предоставлявшийся, судя по всему, в очень редких случаях.

Так и начался мой полный неожиданностей поиск, многому меня научивший. Эта пожилая дама, с которой я случайно столкнулся в детстве, открыла для меня Париж другой эпохи — эпохи ее молодости. Столица, еще сохранившая великолепие Всемирной выставки 1889 года, оглашалась грохотом конных повозок. Не верилось, что человек моего поколения мог обитать, пусть даже всего несколько лет, в одном пространственно-временном континууме с этой женщиной, жившей в эпоху запряженных лошадьми экипажей. Она посещала самые роскошные приемы в самых блестящих салонах, у дверей частных особняков ее встречали камердинеры в ливреях. Она жила в легкомысленном и изысканном мире тщеславия, который уже давно исчез.

Мог ли я представить, что, распахнув двери этого золотого мира, открою для себя непостижимые тайны и бесконечные страдания, скрытые под напускной маской респектабельности?

ЧАСТЬ II

Вчерашний мир

1

Мария-Луиза Фанни Клементина Тереза Штерн родилась 4 февраля 1879 года в Париже в еврейской семье, когда-то переехавшей сюда из Франкфурта-на-Майне. Ее дед, Авраам Якоб Штерн, обосновался во Франции в 1832 году. Основав банк «А. Я. Штерн и Ко», он, наряду с Лазарами и Ротшильдами, возглавил одну из самых могущественных финансовых династий второй половины XIX века. Сменив имя на Антуан Жак, глава династии успешно вел дела по всей Европе и даже на Ближнем Востоке, где участвовал в создании Имперского Оттоманского банка. Он получил монополию на производство и продажу табака в Италии, входил в советы директоров горнодобывающих, портовых и железнодорожных компаний, а его сыновья, будучи проницательными бизнесменами, продолжили начатое отцом и закрепили его успехи.

Жак Штерн, дядя Марии-Луизы, стал одним из крупнейших инвесторов Парижского и Голландского банков. А спустя несколько десятилетий его наследники вошли в число основных акционеров Банка Франции. Благодаря своему влиянию в совете директоров банка так называемые «двести семей» играли решающую роль в экономике и политике Франции. В свободное время

Жак Штерн увлекался верховой ездой и активно посещал театры. Долгое время он жил с актрисой «Комеди Франсез» Софи Круазетт, соперницей Сары Бернар. Глава семьи категорически не одобрял эти скандальные отношения, порочившие фамилию Штерн. Но Жак был упрям — дождавшись смерти отца, он все-таки женился на своей любовнице.

Луи Штерн, отец Марии-Луизы, также был успешным предпринимателем. Страстный любитель и тонкий знаток живописи, он активно занимался меценатством и собрал обширную коллекцию, которая включала произведения выдающихся художников итальянского Возрождения, таких как Джотто и Лука делла Роббиа, картины английских художников Уильяма Тернера и Джошуа Рейнольдса, а также несколько полотен Рубенса. Будучи щедрым по натуре, он много помогал нуждающимся, чем заслужил глубочайшее уважение современников, в том числе и за пределами парижской еврейской общины. Перед ним были открыты двери домов аристократии и самых влиятельных семей, а со временем он стал членом элитного клуба «Круг улицы Рояль».

Эрнеста де Хиршель, мать Марии-Луизы, была родом с берегов Адриатики. Она родилась в семье выходцев из Гамбурга, обосновавшейся в Триесте, который в то время еще был южной окраиной Австро-Венгерской империи. Там, а затем в Венеции, где родители Эрнесты приобрели палаццо, и прошло ее детство. Хиршели,